

Закономерности номинации действия разрушения в русском языке донационального периода (XI–XVII вв.)

Хомуськова Н.Ф.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
Витебск

В настоящее время имеется ряд исследований, посвященных изучению глагольной лексики со значением разрушения: с точки зрения семантики, деривационных возможностей, лексической и синтаксической сочетаемости. Однако нераскрытой остается проблема номинации и языковой категоризации действия разрушения.

Цель статьи – установить закономерности глагольной номинации действия разрушения в русском языке донационального периода (XI–XVII вв.).

Материал и методы. Материалом исследования выступают глагольные наименования со значением разрушения, фиксируемые в письменных памятниках русского языка донациональной эпохи, которая включает в себя древнерусский (XI–XIV вв.) и великорусский периоды (XIV–XVII вв.). Глагольные лексемы извлекались из исторических словарей русского языка: «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского. При этом применялись описательный, метод сплошной выборки из словарей, компонентный анализ.

Результаты и их обсуждение. В работе определены основные способы глагольной номинации действия разрушения, а также приведена их сравнительная характеристика. Способы наименования установлены на основе теоретического разграничения первичной и вторичной номинации. Проведен этимологический анализ первичных глагольных наименований, а также представлены модели морфемной и семантической деривации.

Заключение. Установлено, что глагольная префиксация является наиболее продуктивным способом номинации действия разрушения (88,2%). В меньшем количестве представлены семантическая деривация (7,3%) и первичная номинация (4,5%).

Ключевые слова: наименование, глагольная номинация, значение разрушения / деструкции, первичная и вторичная номинация, семантический переход, донациональный период.

(Ученые записки. – 2019. – Том 30. – С. 194–198)

Regularities of the Nomination of Destruction Action in the Russian Language of the Pre-National Period (XI–XVII Centuries)

Khamuskova N.F.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Nowadays there are a number of studies devoted to the research of verbs with destruction meaning: from the point of view of semantics, their derivational possibilities, lexical and syntactic compatibility. However, the problem of nomination and linguistic categorization of destruction action remains unexplored.

The purpose of this article is to reveal the regularities of verbal nomination of destruction action in the Russian language of a pre-national period (XI–XVII centuries).

Material and methods. The material of the research is the verbs with destruction meaning attested in the written monuments of the Russian language of the pre-national period which includes the Old Russian (XI–XIV cent.) and Great Russian periods (XIV–XVII cent.). Verbal lexemes were extracted from historical dictionaries of the Russian language: “Dictionary of the Russian language of the XI–XVII cc.” and “Materials for the dictionary of the Old Russian language” by I.I. Sreznevsky. The study used the method of continuous sampling from dictionaries, component analysis, descriptive method.

Findings and their discussion. The article defines the main ways of verbal nomination of destruction action as well as their comparative characteristics. The ways of naming are determined on the basis of a theoretical distinction between primary and secondary nomination. The etymological analysis of primary verbal nominations has been carried out and models of morphemic and semantic derivation have been presented.

Conclusion. It is established that verb prefixation is the most productive way of nominating the destruction action (88,2%). Semantic derivation (7,3%) and primary nomination (4,5%) are represented in smaller numbers.

Key words: nomination, verbal nomination, destruction meaning, primary and secondary nomination, semantic transition, pre-national period.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 30. – P. 194–198)

В последние десятилетия исследование лексико-семантических глагольных групп привлекает внимание лингвистов. Подобный интерес обусловлен спецификой глагола как части речи: его соотносительностью с предметными именами, широтой референции, предикативной функцией. Глаголы разрушения не раз становились объектом исследования в трудах русских и англоязычных ученых. Они рассматривались в разных аспектах: с точки зрения семантики, синтаксических связей, деривационных возможностей, в когнитивном аспекте. Так, Я.И. Маркот исследует семантико-синтаксическую структуру предложений с глаголами физического воздействия в современном английском языке [1]. Р.Р. Галиева рассматривает глаголы разрушения в русском языке в когнитивном аспекте как средства выражения деструктивных явлений и ситуаций [2]. Имеется работа, посвященная словообразовательным особенностям глаголов разрушения в английском языке [3]. При наличии значительного количества разноаспектных исследований глаголов разрушения за пределами внимания ученых до сих пор остаются вопросы глагольной номинации действия разрушения в процессе исторического языкового развития. Единичные ономазиологические исследования рассматривают лишь отдельные аспекты номинации и не дают комплексного описания глагольной номинации действия разрушения.

Это определяет цель настоящего исследования, которая заключается в попытке установить закономерности номинации действия разрушения в русском языке донационального периода (XI–XVII вв.). Обращение к донациональной эпохе языкового развития представляется целесообразным ввиду отсутствия работ соответствующего характера, а также невозможностью объяснить современное номинативное состояние языка без возврата к прошлому.

В теории номинации принято различать первичный и вторичный виды номинации. Наименования, образованные в результате первичной номинации, являются простыми с точки зрения морфемной структуры и воспринимаются носителями языка как первообразные. Их производность может быть раскрыта только путем этимологического анализа. Вторичные наименования являются производными по морфологическому составу или смыслу. Основные средства вторичной номинации – морфемная и семантическая деривация.

Материал и методы. Материалом исследования являются глагольные наименования со значением разрушения, фиксируемые в письменных памятниках русского языка в донациональную эпоху, включающую в себя древнерусский период (XI–XIV вв.) и великорусский период (XIV–XVII вв.). Глаголы были извлечены методом сплошной выборки из лексикографических источников: «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и «Материалов для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского. Общее количество отобранных единиц составляет 807 наименований. Критерием отбора послужило наличие в семантической

структуре глагольных единиц семы ‘разрушение’, которая реализуется в следующих аспектах:

- 1) нарушение первоначальной структуры объекта на микроуровне, т.е. его частичное разрушение;
- 2) нарушение первоначальной структуры объекта на макроуровне, т.е. его полное разрушение;
- 3) тотальное разрушение первоначальной структуры объекта, т.е. уничтожение неживого объекта или умерщвление живого объекта;
- 4) нарушение первоначальной структуры субъекта-пациенса как следствие какой-либо ситуации, т.е. частичное / полное разрушение неживого объекта или смерть живого объекта.

Методы исследования: описательный, сплошной выборки из словарей, компонентный анализ.

Результаты и их обсуждение. В ходе анализа фактического материала было выявлено 37 глагольных наименований со значением разрушения, образованных в результате первичной номинации. Время появления таких наименований датируется, как правило, началом древнерусского периода (XI в.). Этимологическая реконструкция показывает, что в большинстве случаев в основе наименования действия разрушения лежат очевидные мотивировочные признаки, обусловленные семантикой соответствующих индоевропейских корней: *koloti* ‘раскалывать, разбивать’ [СлРЯ 7 1980, 252] (< праслав. **kolti* < и.-е. **kel-* ‘колоть, тыкать’) [ЭССЯ 10 1983, 155]; *paluti* ‘жечь, уничтожать огнем’ [СлРЯ 14 1988, 133] (< праслав. **paliti* < и.-е. *pel-* / *pol-* / *plē-* / *plō-* ‘жечь’, ‘палить’) [6, с. 618]; *tolchi* / *толчи* / *толочи* ‘толочь’ (< праслав. **tolkti* < **telek-* / *telk-* ‘толочь’, ‘толкать’, ‘разбивать’) [7, с. 248], *mrъmu* / *меръму* (< праслав. **mrъti* < и.-е. **ter-* ‘тереть’) [8] и др.

В ряде случаев установление этимологических связей не связано с актами первичной номинации, а фактически имеет место переход из одного значения в другое. Такое семантическое развитие может быть представлено в виде моделей семантических переходов. Примером может служить семантический переход, установленный для глагола *xanati* (< праслав. **chapati*), известного в значениях ‘кусать, жалить’, ‘разрывать’ [Срезн. 3 1912, 684]. Этимологически глагол восходит к и. е. **kap-* ‘хватать’ [7, с. 333]. Следовательно, семантический переход может быть представлен в виде модели ‘хватать’ → ‘разрывать’, т.е. кусая, отхватывать части. Еще одним примером является глагол *tolъmi* / *толъми* / *тълати* ‘разлагаться’, ‘уничтожаться’ [Срезн. 3 1912, 1080]. Этимология глагола связана с семантикой и.-е. корня **tēl-* (:**tī-*) ‘быть тихим, незаметным’, соответственно модель семантического перехода выглядит как ‘быть тихим, незаметным’ → ‘гнить, портиться’ [7, с. 246–247]. В данном случае основу наименования действия разрушения составляет мотивировочный признак, обладающий невысокой различительной способностью. Очевидно, что мотивировочный признак ‘тихий, незаметный’ определяет характер деструктивного действия, которое протекает с невысокой интенсивностью и незаметно для окружающих.

Среди средств вторичной номинации наибольшую активность в номинации действия со значением разрушения демонстрирует морфемная деривация. Удельный вес морфемных дериватов в значительной степени превышает первичные наименования. В анализируемый период зафиксировано 712 производных глаголов, что составляет 88,2% от общего количества. Большинство первичных глагольных наименований служат производящей основой для образования вторичных наименований со значением разрушения в результате морфемной деривации. Таким образом, наиболее продуктивным способом морфемной деривации оказывается отглагольное префиксальное словообразование и соответственно наиболее деривационно активной словообразовательной моделью является модель префикс + глагол разрушения. В подобных случаях, присоединяясь к глаголам, чаще всего префиксы реализуют значения количества, интенсивности совершаемого действия, а также локативное и привативное значения. Результатом является образование производных глагольных наименований, которые могут иметь следующие словообразовательные значения:

1) 'распространить действие, названное мотивирующим глаголом, на все или многие объекты': *бити* > *пере-бити* 'избить (всех, многих)' [СлРЯ 14 1988, 210]; *рубить* > *по-рубить* 'зарубить, убить (о всех или многих)' [СлРЯ 17 1991, 135]; *вѣшати* > *из-вѣшати* 'перевешать, казнить (всех, многих) через повешение' [СлРЯ 6 1979, 119]; *рвати* > *при-рвати* 'порвать, разорвать (о значительном количестве чего-л.)' [СлРЯ 19 1994, 264];

2) 'интенсивно и (или) тщательно совершить действие, названное мотивирующим глаголом': *горѣти* > *вы-горѣти* 'сгореть целиком, выгореть' [СлРЯ 3 1976, 195]; *бити* > *на-бити* 'многочисленными ударами попортить, исхлестать, разбить что-л.' [СлРЯ 10 1983, 19];

3) 'слабо, слегка, бегло совершить действие, названное мотивирующим глаголом': *ломити* > *на-ломити* 'повредить, сломать' [СлРЯ 10 1983, 141];

4) 'действие, названное мотивирующим глаголом, направить вокруг чего-н., на все стороны чего-н.': *жечи* / *жещи* > *о-жечи* / *о-жещи* 'сжечь вокруг, выжечь' [СлРЯ 12 1987, 301];

5) 'совершить действие, названное мотивирующим глаголом, отделяя части объекта': *грызти* > *от-грызти* 'отгрызть' [СлРЯ 13 1987, 219] и др.

Префиксы также присоединяются к глаголам, не имеющим в своей смысловой структуре деструктивного семантического компонента и приобретающим его только при добавлении соответствующего словообразовательного форманта. Наибольшей активностью отличается префикс *раз-*, который в сочетании с глаголами интенсивного действия реализует значения разъединения, уничтожения, распространения или полноты проявления признака: *колотити* 'бить, колотить, ударять' [СлРЯ 7 1980, 252] > *рас-колотити* 'колота,

разбить или расплющить' [СлРЯ 22 1997]; *волочити* 'тащить волоком' [СлРЯ 3 1976, 9] > *раз-волочити* 'разрушить, снести (постройку)' [СлРЯ 21 1995, 158] и др.

К XVI в. в русском языке сформировалась грамматическая категория вида, поэтому префиксы изменяли лексическое значение слова и одновременно выполняли грамматическую функцию, т.е. приносили в слово видовое значение. В ряде случаев фиксировался исключительно видовой тип префиксации, такие глаголы не являются объектом настоящего исследования.

В меньшей степени в анализируемый период фиксируются случаи отсубстантивного и отадективного глагольного словообразования. В качестве примера приведем деривационную модель сущ. + суфф., результатом действия которой являются дериваты с такими словообразовательными значениями:

1) 'превратить в то, что названо мотивирующим существительным': *пласть* 'тонкий слой' [Срезн. 2 1902, 954] > *пласт-а-ти* 'разрубать холодным оружием (человека, животное)' [СлРЯ 15 1979, 74]; *кроха* 'мелкая частица какого-л. вещества, крупинка' [СлРЯ 8 1981, 76] > *крошити* 'крошить, резать' [СлРЯ 8 1981, 77];

2) 'действовать с помощью того, что / кто названо / назван мотивирующим существительным': *долото* 'долото' [СлРЯ 4 1977, 305] > *долот-и* / *долот-и-ти* 'долотить' [там же]; *коса* 'орудие для срезания травы, коса' [СлРЯ 7 1980, 356] > *кос-и-ти* 'косить, срезать косой' [СлРЯ 7 1980, 359];

3) 'совершать действия, свойственные тому, что названо мотивирующим существительным': *морь* 'повальная смерть (от голода, эпидемии)' [СлРЯ 9 1982, 261] > *мор-и-ти* 'умерщвлять, губить': [СлРЯ 9 1982, 265]; *казнь* 'лишение жизни, казнь' [СлРЯ 7 1980, 25] > *казн-и-ти* 'предать смерти, казнить' [СлРЯ 7 1980, 24] и др.

Примером деривационных моделей прил. + суфф. и префикс + прил. + сущ. являются дериваты со словообразовательным значением 'наделить что-л. признаком, названным мотивирующим прилагательным': *голый* 'нагой, без одежды, голый' [СлРЯ 4 1977, 71] > *гол-и-ти* 'оголять, опустошать' [СлРЯ 4 1977, 71]; *тънъкь* / *тънъкый* 'мелкий' [Срезн. 3 1912, 1049] > *о-тонч-и-ти* 'раздробить, сокрушить' [СлРЯ 13 1987, 291].

Если большинство первичных наименований фиксируются в начале древнерусского периода, то морфемная деривация является продуктивной на протяжении всего донационального периода языкового развития.

В наименовании действия разрушения сравнительную активность демонстрируют виды семантической деривации: метафора (36 наименований) и метонимия (23 наименования). Отличительными чертами метафоры являются образность и экспрессивность. В ее основе лежат глубинные связи, сходства, аналогии, приписываемые действиям. Образный характер метафоры определяет и специфику деструктивного действия, описываемого глаголом. Как правило, глагольные наименования, образованные в результате

метафорического переноса, обозначают действие разрушения более абстрактного, обобщенного характера. В донациональный период зафиксирован ряд моделей метафорических переносов, среди которых модель ‘делать ровным, гладким’ → ‘разрушать, ровнять с землей’. Согласно такой модели происходит формирование вторичного наименования на основе древнерусского глагола *поровняти*, прямое значение которого ‘выровнять, сделать ровным, гладким что-л.’ фиксируется в его смысловой структуре в XV в.: *Азь пред тобою поиду и горы поровняю* (1480 г.) [СлРЯ 17 1991, 118]. Основу семантического перехода составляет общность характеристик, описывающих результат действия ‘делать что-л. ровным, гладким’. Так, к XVI в. относится фиксация вторичного наименования в значении ‘сравнивать с землей, разрушить что-л.’: *Прочаа же вся, и стѣны и домы и црковь, тако поровнаша разорители, яко ни познати лзѣ котораа създания* (XVI в. ~ XII в.) [там же]. Еще одним примером может быть модель ‘делать пустым’ → ‘разрушать’. Такая модель метафорического переноса представлена заимствованным из церковнославянского языка глаголом *истѣщати*, который фиксируется в первичном значении ‘опорожнять’, ‘раздавать’, ‘делать пустым’ [СлРЯ 6 1979, 333; 10]. К XV в. относится фиксация вторичного значения ‘превращать в ничто, разрушать’: *Помяни ги сны Едомскыя въ день Иерслимль, глущая истѣщайте до основаниа его* (1499 г.) [СлРЯ 6 1979, 333].

Отличительной чертой ряда глаголов, обозначающих конкретные деструктивные действия, является способность служить производящей основой для образования вторичных наименований действия разрушения. В подобных случаях действие разрушения носит обобщенный характер и не имеет указания на способ его совершения. Модель ‘толочь’ → ‘уничтожать’ реализуется на примере глагола *истерети*, исходная семантика которого ‘растереть, размельчить’: *Изотри пилоу вѣлми мѣлко* (XVII в. ~ 1534 г.) [СлРЯ 6 1979, 316]. Метафорический перенос приводит к образованию наименования, обозначающего разрушение без указания на способ действия ‘истребить, уничтожить’: *Сего ради винограды вашиѣ и смоковье ваше, нивы и дубравы ваша истрохѣ, глетѣ гсѣ, а злобѣ вашихѣ не могахѣ истерети* (1068 г.) [там же]. Достаточно предсказуемой представляется модель ‘срезать (косой, серпом)’ → ‘уничтожать’. В основе такой модели наблюдается семантический переход, опирающийся на древнее представление человека о смерти с косой. Примерами реализации такой модели являются глаголы *косити*, *пожсинати*. Глагол *косити* ‘косить, срезать косой’ фиксируется в письменных источниках XII–XIII вв.: *Да старец же Арсеней привез рубль денег, взял за Мокрой починок да за Репашина взял 15 алтын под паренину и траву косит* (XII–XIII вв.) [СлРЯ 7 1980, 359]. Вторичное наименование с деструктивным значением ‘убивать, лишать жизни’ как результат метафорического переноса отмечается в XV в.: *Смерть глагола: пап, цесарей, кардиналов –*

кошу аз встѣх – воинов, жен и презвитеров и все, яже некогда есть рожено (XVI ~ XV в.) [там же]. Еще одним примером, указывающим на регулярность подобной модели, является формирование вторичного наименования на основе глагола *пожсинати*, известного в первичном значении ‘сжинать, срезать серпом’: *Якоже бо се нѣкто землю разореть, другыи же насѣеть, ини же пожсинаютъ и ядятъ пищю бескудну* (1037 г.) [СлРЯ 16 1990, 102]. К XI в. относится и фиксация метафорически производного наименования ‘истреблять, уничтожать’: *Серпъ онъ, его же пророкъ видѣ пожсинаяи и искореняя вся нещадно* [о нашествии Батыя] (1096 г.) [там же].

Вышеперечисленные примеры в целом соответствуют общим тенденциям в истории лексики, которые заключаются в формировании номинаций абстрактных и обобщающих понятий или действий от конкретных обозначений.

В отличие от метафоры основу метонимии составляют объективно существующие в экстралингвистическом мире признаки смежности между какими-либо действиями и процессами [11, с. 55]. В сфере метонимических переносов центральное место в наименовании деструктивного действия принадлежит так называемой каузальной метонимии, в основе которой находятся причинно-следственные связи. Это значит, что, благодаря импликационной связи, глагол, обозначающий некий признак, втягивает в свое значение и совмещенный с ним признак. Эти признаки, в том числе действия, процессы, состояния, находятся между собой в отношениях причины и следствия [12, с. 11]. Наиболее распространенной разновидностью такого метонимического переноса для глаголов разрушения является модель ‘действие как причина / условие’ → ‘действие как результат’, общая для ряда семантических переходов. Примером данного перехода является модель ‘бросать / носить в разные стороны’ → ‘разрушать’. Модель представлена глаголом *метати*, фиксируемым в русском языке в XII–XIII вв. в значении ‘кидать, бросать (в том числе с помощью специальных приспособлений, орудий)’: *Повель метати смолу и стѣру, изгрѣби и лозье, да велми разгоритса пѣщъ* (XIII в.) [СлРЯ 9 1982, 124]. К XVI в. относится формирование вторичного наименования со значением ‘разрушать, разбирать, растаскивать что-л.’, в основе которого лежит идея движения в разные стороны, что определяет и характер деструктивного действия: *Не дадите де намѣ иныхѣ дворовѣ, и намѣ деи вамѣ хоромѣ метати не дати* (1570 г.) [там же]. В качестве еще одного примера приведем модель ‘переворачивать’ → ‘разрушать’, реализуемую на примере глагола *разворочати*, фиксируемого в исходном значении ‘повернуть; перевернуть’: *... инако речъ извороча къ нимѣ, не акы святитель, но акы перевѣттникъ и ложь* (1186 г.) [СлРЯ 6 1979, 129]. В результате метонимического переноса образуется наименование действия разрушения ‘разломать, разворочать, привести в беспорядок’: *Ирбитцкую мелницу вешиною водою розмыло и онбарѣ изворочало, потому что гнил* (1669 г.)

[там же]. Следует отметить, что приведенные модели являются регулярными для русского языка анализируемого периода, они неоднократно используются для наименования действия со значением разрушения. Семантическая деривация применяется на протяжении всего донационального периода, однако наибольшей активности достигает в великорусский период.

Заключение. Наиболее продуктивным средством номинации действия разрушения в русском языке донационального периода является морфемная деривация. Морфемные дериваты составляют 88,2% от общего количества глагольных наименований. В сфере морфемной деривации центральное место принадлежит отглагольному словообразованию, а именно префиксации. Семантическая деривация, представленная метафорой и метонимией, проявляет меньшую активность. Насчитывается 59 семантически производных наименований, что составляет 7,3%. Наименования, образованные в результате первичной номинации, представлены меньшим количеством единиц (4,5%), которые, однако, далее могут использоваться языком в качестве номинативных средств в новой для них функции наречения.

Литература

1. Маркот, Я.И. Семантико-синтаксическая структура предложений с глаголами физического воздействия в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Я.И. Маркот. – Минск, 1990. – 22 с.
2. Галиева, Р.Р. Семантико-когнитивный анализ деструктивных глаголов в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Р.Р. Галиева. – Уфа, 2016.
3. Matsumoto, H. Of with verbs of killing in 'The Destruction of Troy' / H. Matsumoto // Notes and Queries. – 1994. – Vol. 41, no. 1. – P. 14.
4. СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 28 т. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз.; редкол.: С.Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1975–2008. – 28 вып.
5. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд: [в 38 вып.] [Электронный ресурс] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1974–2012. – 38 вып. – Режим доступа: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xviii>. – Дата доступа: 12.04.2019.
6. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – 3-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. 1. – 624 с.
7. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – 3-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. 2. – 560 с.
8. Индоевропейский этимологический словарь Покорного [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proto-indo-european.ru/dic-pokorny/>. – Дата доступа: 25.04.2019.
9. Срезн. – Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И.И. Срезневский. – СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1893–1912. – 3 т.
10. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. [и с предисл.] чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1975. – Режим доступа: <http://www.slovorod.ru/etym-shansky/>. – Дата доступа: 10.04.2019.
11. Сатарова, А.И. Механизмы косвенной номинации / А.И. Сатарова // Семантические механизмы в системе лексической номинации и в актах коммуникации. – М., 1989. – С. 54–62.
12. Агеева, Н.Г. Типология и механизмы глагольной метонимии в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.Г. Агеева. – Киев, 1990. – 22 с.

Поступила в редакцию 17.09.2019